

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2026-32-1-215-238

ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Ли Чжожу, зам. генерального секретаря Общества мировой политической экономики, приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья представляет собой комплексный теоретико-методологический анализ модернизационных процессов в Китае XXI в. Целью исследования является определение концептуальных основ и специфики китайской модели модернизации через призму эволюции западных теорий и внутренней социально-политической динамики. Выявлено, что модернизация в Китае представляет собой не “догоняющее” развитие по западным образцам, а институционально и культурно специфичный вариант. Его ключевые особенности: социалистический тип развития под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), опора на национальные традиции и адаптация глобального опыта. На эмпирическом материале проанализированы глубинные трансформации социальной структуры. Показано сокращение занятости в сельском хозяйстве, рост сферы услуг, стремительное развитие цифровой экономики, а также сохранение структурных дисбалансов (безработица среди молодежи, город — деревня). В отличие от западных теорий, акцентирующих стихийность процесса, в статье доказывается, что движущей силой китайской модернизации являются элитные группы. Выделены три этапа трансформации элит: старт реформ (1978–1992), углубленная дифференциация (1992–2012) и этап институционализированной циркуляции (с 2012 г. по настоящее время). Ключевым механизмом выступает управляемая кадровая ротация, обеспечивающая интеграцию новых акторов (частные предприниматели, технологическая элита) и предотвращающая институциональный застой. Сделан вывод о том, что успех китайской модернизации обусловлен синтезом экономико-технологического развития (базис) и управляемой трансформации надстройки, ключевым элементом которой является система селекции и циркуляции элит. Китайский опыт опровергает тезис о вестернизации как единственном пути про-

* Ли Чжожу, e-mail: liz@my.msu.ru

гресса и демонстрирует эффективность модели, основанной на национальном суверенитете и адаптивной роли государства.

Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, ранняя модернизационная перспектива, модели модернизации, специфика процесса модернизации в Китае.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERNIZATION PROCESSES IN CONTEMPORARY CHINA

Li Zhuoru, Deputy Secretary General of the WAPE, Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: liz@my.msu.ru

This article provides a comprehensive theoretical and methodological analysis of modernization processes in 21st-century China. The study aims to define the conceptual foundations and specifics of the Chinese modernization model through the lens of the evolution of Western theories and internal socio-political dynamics. It is revealed that modernization in China is not a “catch-up” development following Western patterns but an institutionally and culturally specific variant. Its key features are: a socialist type of development under the leadership of the Communist Party of China (CPC), reliance on national traditions, and the adaptation of global experience. Using empirical data, the profound transformations of the social structure are analyzed. The study demonstrates the decline of agricultural employment (to 22,8%), the growth of the service sector, the rapid development of the digital economy, and the persistence of structural imbalances (youth unemployment, urban-rural divide). In contrast to Western theories emphasizing the spontaneity of the process, the article argues that the driving force of Chinese modernization is elite groups. Three stages of elite transformation are identified: the start of reforms (1978–1992), advanced differentiation (1992–2012), and the stage of institutionalized circulation (from 2012 to present). The key mechanism is managed cadre rotation, which ensures the integration of new actors (private entrepreneurs, technological elite) and prevents institutional stagnation. It is concluded that the success of China’s modernization is due to the synthesis of economic and technological development (the base) and the managed transformation of the superstructure, a key element of which is the system of elite selection and circulation. The Chinese experience refutes the thesis of Westernization as the only path to progress and demonstrates the effectiveness of a model based on national sovereignty and the adaptive role of the state.

Key words: modernization, stages of modernization, early modernization perspective, models of modernization, specifics of the modernization process in China.

Полноценный научный анализ воздействия модернизации на развивающуюся социальную структуру Китая в XXI столетии, с акцентом на трансформацию политической элиты в период по-

литики “реформ и открытости”, предполагает выделение институциональных и структурных параметров, релевантных процессу модернизации китайского общества. Однако для того чтобы обеспечить достоверность последующего анализа, необходимо сначала определить понятие “модернизация” в координатах различных теоретико-методологических конструктов, обосновать их валидность применительно к социальным реалиям современного Китая, а затем выделить ключевые направления процесса модернизации китайского общества и те субъекты, которые в нем наиболее активно участвуют.

Слово “модернизация” образовано от английского слова “modern”, которое в переводе на русский язык означает обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. В социологии, как отмечают Э. Гидденс и Э. Саттон, «слово “современный” (modern) может использоваться для обозначения всего нового, а противопоставление древнего и нового становится общим местом в Европе с конца XVI в. Сама идея модернизации, как придания чему-то современного облика, вызывала сопротивление вплоть до XIX в., когда отношение к ней приобрело позитивный оттенок — модернизация транспорта, жилья, социальных установок и многого другого воспринималась как необходимая и прогрессивная»¹.

Модернизация — общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми. В классической социологии этот термин был осмыслен Э. Дюркгеймом как процесс социальной дифференциации, посредством которого осуществлялось разделение труда, М. Вебером — как процесс рационализации, в ходе которого хозяйствующие субъекты стремились максимально повысить собственную экономическую отдачу². В современной социальной теории это понятие имеет достаточно широкое значение, отсылающее к историческому периоду, начавшемуся в середине XVIII в., когда “философы Просвещения, поставили под сомнение традицию, авторитет религии и общепринятые верования, полагая, что человеческий прогресс возможен только благодаря рациональному мышлению, науке и стремлению к свободе и равенству”³.

¹ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. М., 2018. С. 24.

² Соколова Г.Н. Модернизация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. С. 583–584.

³ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. С. 24.

Если исходить из этих посылок, то “модернизация” — это макропроцесс перехода от традиционного общества к обществу современному, обществу “модерна” или от общества аграрного — к обществу индустриальному. Модернизация — “совокупность социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, связанных с переходом от традиционного (доиндустриального, аграрно-традиционалистского) общества к современному индустриальному и формирующемуся постиндустриальному обществу, основанному на инновациях во всех сферах жизни”⁴, — отмечает российский ученый В.И. Пантин. В подобной трактовке, на наш взгляд, отражен узкий смысл модернизации, когда под ней понимается лишь процесс перехода от одного типа общества к другому, более современному. При этом акцент делается на формировании индустриального общества, а сама модернизация рассматривается как процесс, протекающий параллельно процессу индустриализации, связанный с трансформацией системы хозяйствования, вооружения и организации труда.

Социологи признают, что решающим фактором модернизации выступает замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность, в том числе разработку, создание и распространение новых технологий, влекущих за собой генерирование новых социально-экономических отношений.

Согласно исследователю С.Н. Гаврову, исторически понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях:

- 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени;
- 2) как догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать;
- 3) как процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), осуществляющиеся посредством проведения реформ и внедрения инноваций. Именно исходя из этих значений ученые различают “первичную” и “вторичную” модернизацию.

Под “первичной” модернизацией понимают процесс, осуществленный в эпоху промышленных революций (XVII–XVIII вв.) —

⁴ Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 7.

классический “чистый” тип, благодаря которому появились ведущие экономические страны (Великобритания, Германия, Франция, США и т.д.). Под “вторичной” модернизацией понимается процесс, сопровождающий формирование индустриального общества в странах третьего мира — она происходит в условиях наличия уже апробированного опыта развития в странах Запада. Особенности “вторичной” или догоняющей модернизации в ряде стран являлись ее форсированный характер, авторитарные методы, стремление к преодолению “отставания” посредством “великого рывка” с использованием потенциала тотальной мобилизации масс⁵.

Фактически же во всех обществах, в том числе европейских, модернизационные процессы протекали по различным сценариям, лишь отчасти планируемыми и прогнозируемыми их участниками и инициаторами.

В конкретные исторические эпохи отдельных стран модернизация могла направляться на заимствование и воспроизведение фрагментов иностранного опыта или обосновываться собственными национальными традициями, сопровождаться реформами или революциями, затрагивать все общество или отдельные его сферы и подсистемы. При этом в роли субъектов модернизации могло выступать государство, представляемое политическими лидерами, чиновничеством и армией, а также заинтересованные в преобразованиях экономически активные слои населения, интеллигенция и другие социальные группы.

Достаточно быстро, по мере нарастания и развития модернизационных процессов, в западноевропейской и американской общественной мысли стали формироваться “школы модернизации”, представители которых предпринимали попытки научного осмысления модернизационных процессов и их моделирования. В эволюции этих школ исследователи выделяют следующие “волны” или этапы.

Первый этап (этап ранней модернизационной перспективы), вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг., ознаменован рождением и быстрым ростом модернизационных исследований в “классической версии”, когда превалировали представления об универсальности линейно-поступательного развития социума от “традиционного” общества к “современному”, ориентированного на западные страны, т.е. развитие общества рассматривалось как

⁵ Соловьева В.Л. Теория модернизации в контексте развития общественной мысли в XX веке // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 3. С. 312–316.

всеобъемлющий, универсальный процесс, с одинаковыми этапами для всех стран и народов.

Фактически все представители ранней модернизационной перспективы (У. Ростоу, А. Органский, М. Леви, Д. Лернер, Н. Смелзер, С. Блэк, Ш. Эйзенштадт и др.), несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, разделяли ряд теоретико-методологических предположений эволюционистского и структурно-функционального подходов, что обусловило создание линейной модели модернизации.

В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Сам процесс модернизации расценивался как революционный, связанный с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности.

Сторонники линейной модели признавали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. Они видели процесс модернизации как имманентное встраивание изменений в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, полагали они, это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах.

В целом линейная модель порождала представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Тем не менее на протяжении 1960-х гг. нарастал пересмотр вестернизаторских концепций, который в 1970-х гг. привел к осознанию того факта, что разрушение традиций может привести к разрушению всего общества.

Второй этап, конец 1960-х — 1970-е гг., оценивается как “критический”, в течение которого модернизационная перспектива под-

верглась значительной критике, как внутренней, так и внешней, со стороны конкурирующих теорий.

На этом этапе имело место отрицание упрощенного характера развития обществ, а многие авторы отмечали сложное взаимодействие “традиционного” и “современного” в процессе модернизации как двух противоположных сторон развития социума, которые в процессе взаимодействия взаимопроникают и обуславливают друг друга.

Представление о модернизации как длительном переходе от “относительно немодернизированных” к “относительно модернизированным” обществам, получило углубленное развитие в концепции парциальной (или частичной, фрагментированной) модернизации, автором которой выступил немецкий исследователь Д. Рюшемейер. Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур.

Суть парциальной модели сводится к признанию возможности “застревания” некоторых обществ на стадии “частичной модернизации”. Таким образом, это означает предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности⁶. В определенной степени выдвигание модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики. Кроме того, традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности сознания и мировоззрения признаются на новом этапе важным фактором развития, хранилищем форм поведения, символов и общезначимых смыслов, обеспечивающим его стабильность и непрерывность⁷.

Третий этап, 1980-е гг., вошел в историю как посткритический этап возрождения модернизационных исследований, в течение которого обнаружили себя тенденции конвергенции школ модернизации, зависимости и мир-системного анализа. В этот период складывается концепция модернизации обществ с учетом их национальной культуры, без навязывания западных ценностей, т.е. синтез универсализма и партикуляризма.

⁶ См.: *Побережников И.В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзорение* / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

⁷ См. например: *Eisenstadt S.N.* Multiple modernities // *New Brunswick, Transaction*. 2002. N 3. P. 1–30.

Четвертый этап, 1980-е — 1990-е гг., характеризуется становлением неомодернизационного и постмодернизационного анализа, в значительной степени под влиянием грандиозных трансформаций в странах Центральной Восточной Европы и Евразии. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в схеме модернизации уже не просто учитываются социокультурные особенности незападных сообществ, но и осуществляются поиски принципиально новых, собственных путей со своими социокультурными ценностями и нормами.

На протяжении этих последних периодов переосмысление комплекса модернизационных теорий продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы.

Разработка современных, многолинейных версий модернизационных исследований связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, Р. Робертсона, У. Бека, К. Мюллера, В. Цаффа, А. Турена, С. Хантингтона и др. Общее теоретико-методологическое ядро этих многолинейных моделей образуют следующие принципы:

- отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей;
- признание возможностей собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску), поворотных точек, в которых в процессе развития может происходить смена маршрута движения;
- приоритет конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса дополнительного фактора развития;
- отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации;
- осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса, даже если конкретным обществом пройдена стадия “взлета” (в терминологии У. Ростоу);
- более внимательное отношение к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса;
- отказ от жесткого детерминизма любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д.);
- акцент на комплементарный, взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами.

Безусловно, многолинейная модель расширила познавательные возможности модернизационного анализа, была более “историчной”, характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности, что было достигнуто за счет принесения в жертву теоретической чистоты и однородности линейной модели модернизационного анализа.

Следует отметить, что в последний период разрабатывались и оригинальные схемы модернизационных процессов. В частности, финским исследователем Т. Пиирайненем в целях объяснения перехода от плановой к рыночной экономике в постсоветской России была предпринята попытка совместить модернизационную перспективу с деятельностным подходом. Еще одну попытку расширить горизонты модернизационного анализа за счет использования структурационного подхода предпринял шведский исследователь Г. Тёрборн в историко-социологическом исследовании “Европейская современность и за ее пределами: пути развития европейских обществ, 1945–2000 гг.”, в рамках которого он разработал собственную аналитическую модель (“компас, необходимый для ориентации в мириадах продолжающихся социальных процессов”). В этой модели Г. Тёрборн уделяет существенное внимание культурным и структурным характеристикам⁸.

Тем не менее несмотря на определенные эвристические моменты основная проблема всех западных волн и теорий модернизации состоит в том, что само понятие “модерн” носит слишком общий и размытый характер. В силу этого невозможно дать непротиворечивое объяснение причин или последствий модернизации. Например, западные теории не могут объяснить неуклонный рост неравенства в глобальной системе и очевидную неспособность многих развивающихся экономик уменьшить его уровень⁹. Более того, не ясно, какие элементы (субъекты) образуют главную движущую силу процессов модернизации¹⁰, что делает проект модерна явно незавершенным¹¹.

Критики, разделяющие неомарксистские подходы, не согласны с тем, что неумолимая логика модернизации будет стимулировать менее развитые общества к переходу в состояние устойчивого роста

⁸ *Побережников И.В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обозрение* / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

⁹ См., например: *Wagner P.* *Modernity: understanding*. Cambridge, 2012.

¹⁰ *Гидденс Э., Саттон Э.* Основные понятия в социологии. С. 26.

¹¹ См. подробнее: *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // *Вопросы философии*. 1992. № 4. С. 40–54.

экономики и благосостояния, поскольку на практике происходит обратное. Бедные страны остаются в постоянной зависимости от богатого мира, их ресурсы расхищаются, а население используется как дешевая рабочая сила для западных мультинациональных корпораций. Таким образом, предположения о некоей единой, стандартизированной схеме модернизационного развития, в центре которой находится модель западного общества, не нашли эмпирического подтверждения. История насчитывает “множество путей к модерну” — к обновлению, и китайская модель — явное тому доказательство.

На наш взгляд, термин “модернизация”, также как “глобализация”, и многие похожие понятия — всего лишь “ярлык”, который умело навешивают идеологи западного мира на различного рода процессы, когда фактически хотят подчинить своим узкокорыстным интересам остальных членов мирового сообщества, подавить те реальные и “автономные от запада” трансформационные процессы во всех сферах общественной жизни. В данной связи, прежде чем перейти к анализу сути модели модернизации, а конкретнее — социального обновления современного Китая, необходимо еще раз обозначить ряд отправных моментов этого анализа.

Прежде всего, необходимо вести речь не о модернизации вообще, как некоей абстракции, оторванной от фундамента социальной жизни, а о ее более конкретной форме, а именно — модернизации общества. Дело в том, что в широком смысле модернизация общества — это глубокое обновление социально-экономических, политических, культурно-духовных основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований.

Модернизация общества носит комплексный характер, протекает на макро, мезо- и микроуровнях общественной жизни. Прежде всего, эти уровни связаны с технологической составляющей процесса модернизации. Так, макроуровень образует разветвляющаяся на основе совокупности базисных инноваций смена технологических укладов; мезоуровень — это происходящая с периодичностью примерно в десять лет смена поколений техники, обновление активной части основных фондов, микроуровень — обновление моделей и модификации продукции, совершенствование ее параметров на базе улучшающих инноваций в рамках промышленных предприятий. моделей и модификации продукции, совершенствование ее параметров

В то же время, модернизация общества всегда сопровождается изменениями социальных институтов, поведения и мышления

людей, их ценностных ориентаций. С точки зрения различных теоретических подходов в качестве ключевых факторов-детерминант модернизации рассматриваются экономические и политические отношения, развитие техники и средств коммуникации, превалирующие формы знания (религия, наука), особенности культуры и порождаемых ею мотиваций человеческой деятельности. Так, в теоретико-методологических рамках исторического материализма модернизация понимается как глобальный диалектический процесс перехода от одной общественно-экономической формации к другой, находящейся на более высокой стадии экономического и социально-политического развития. При этом «категория общественно-экономической формации делает положение об определяющей роли общественного бытия более полным, реальным и конкретным. Она выражает то целое, в котором проявляют себя определяющая роль общественного бытия как базиса общества и подчиненная, но *отнюдь не пассивная* (Курсив наш — Л.Ч.) роль политической и идеологической надстройки»¹².

Процесс модернизации неизбежно включает в себя два компонента:

- 1) развитие базиса (структуры производительных сил общества), что задает технологический (материальный) вектор процессу модернизации;
- 2) модернизацию надстройки, которая предопределяет ее социальный вектор, т.е. социальную направленность данного процесса.

В современном Китае модернизация трактуется как процесс стадийного перехода от традиционного к современному состоянию, в котором эмпирически наблюдаются высокий разброс, дифференциация и неравномерность. При этом «китайская модернизация» предстает институционально и культурно специфичным вариантом общего, глобального модернизационного процесса, обеспечивающего ускоренное развитие при сохранении социалистических приоритетов.

Специфику процесса модернизации в Китае в XXI столетии определяют следующие особенности.

Во-первых, социалистический тип пути общественного и соответственно модернизационного развития, принципиально отличный от капиталистического типа.

¹² См. подробнее: Попов М.В., Мазур О.А. Материализм и теория формации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.

Во-вторых, непосредственное руководство данным процессом со стороны Коммунистической партии Китая, что задает ему стратегическую направленность.

В-третьих, специфические условия реализации, связанные с наличием огромного человеческого капитала и культурно-исторической уникальностью развития страны.

Эти особенности во многом определили целевые установки данного многогранного процесса: целевую установку на “общий достаток”, ориентацию на общечеловеческие ценности совместного развития и взаимозависимости, синхронность и согласованность в городских и сельских модернизационных мероприятиях.

Следует отметить, что концепт “модернизации”, оформившийся в конце 1970-х и неоднократно уточнявшийся, в логике соотношения производительных сил и производственных отношений исходит из сопряжения традиционных культурных ресурсов с актуальными научно-технологическими достижениями и отобранными элементами мирового опыта, адаптируемыми к локальным контекстам. На этой основе формируется особая — китайская модель, укоренённая в исторической специфике и институциональных практиках страны, но открытая заимствованиям и инновациям. Таким образом, снимается редукция китайской версии модернизации к прозападным моделям и создается база для серьезного социологического анализа ее содержания и специфики.

После старта экономических реформ и политики “открытости” (1978–1992 гг.) имело место ослабление прямого контроля над распределением ресурсов ускорило становление рыночной модели и усложнение социально-экономических структур: трансформировались централизованные институты, сформировались новые слои и ассоциации, а усиливающаяся социальная и экономическая дифференциация стимулировала мобильность, укрепляя рынок и закрепляя поворот от жесткой централизации к децентрализованной системе с множественными ресурсами и статусами.

Начиная с 2012 г. экономика Китая претерпела серьезные материально-технические и институциональные преобразования. Так, за период с 2012 по 2024 гг. объем ВВП страны вырос с 519 470 млрд юаней¹³ до 1 349 084 млрд юаней¹⁴, а экономика Китая по показате-

¹³ ГСУ Китая. Объявление Национального бюро статистики об окончательной проверке ВВП (валового внутреннего продукта) в 2012 году. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁴ ГСУ Китая. Предварительные результаты учета ВВП за четвертый квартал и полный 2024 год. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html (дата обращения: 19.08.2025).

лям валового внутреннего продукта опередила экономику Японии, заняв второе место в мире по своим масштабам.

Как отмечают исследователи, “цифровая экономика — это тактика ведения народного хозяйства, где оцифрованные знания и информация — ключевой производственный фактор, современные информационные сети — носитель информации, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — движущая сила производительности и оптимизации структуры экономики”¹⁵. Например, данные Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (САИСТ) показывают, что с точки зрения “широкой” цифровой экономики масштабы цифровой экономики Китая увеличиваются из года в год — с 2016 по 2022 годы. В 2022 году они уже достигли 50,2 трлн. юаней (около 7,27 трлн долларов), что составляет 41,5% ВВП Китая¹⁶. По данным Китайской академии информации и коммуникационных технологий (САИСТ), масштабы цифровой экономики Китая выросли с 15% ВВП в 2008 году до 41,5% в 2022 году, а темпы роста цифровой экономики всегда превышали темпы роста ВВП¹⁷, что свидетельствует о том, что развитие цифровой экономики оказывает большое влияние на рост ВВП.

Фундаментом и базовым направлением развития всей цифровой экономики является процесс цифровой индустриализации. В 2022 г. масштаб цифровой индустриализации Китая достиг 9,2 трлн юаней, что составило 7,6% ВВП и 18,3% цифровой экономики¹⁸. Кроме того, заметную роль в росте цифровой экономики играет интеграция традиционных отраслей и информационно-компьютерных технологий, т.е. цифровизация промышленности. Преимущества цифровой экономики Китая сосредоточены в новых цифровых отраслях, таких как электронная коммерция, цифровые

¹⁵ Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М., 2019. С. 21–22.

¹⁶ САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2022) // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (дата обращения: 05.08.2023).

¹⁷ САИСТ. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (дата обращения: 05.08.2023). С. 7.

¹⁸ САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2023) // Национальный высокочеловеческий профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (дата обращения: 15.08.2023).

финансы, облачные вычисления, беспилотники и фотоэлектрическая промышленность¹⁹.

Такой стремительный макроэкономический рост, усилив международную конкурентоспособность, инициировал глубокую рестройку производственных отношений и социальной структуры, изменив стратификационный ландшафт. По мере роста экономической активности и высвобождения производительных сил фиксировалось перераспределение социально-классовых отношений — сдвиги в доходах, городско-сельских пропорциях и структуре занятости, тогда как углубляющаяся дифференциация формировала новые группы интересов и обостряла конфликты с традиционными классами.

Таким образом, модернизация в Китае представляет собой сложную многоуровневую комбинацию институциональных реформ, структурных экономических и социальных преобразований, а также кадровых изменений, поскольку требует обновления кадров. Тем не менее, факторы, определяющие занятость и профессиональную структуру, отличаются многообразием и сложностью. С 2012 г. общее число трудоспособных граждан в Китае сократилось с 930²⁰ до 858²¹ млн (к концу 2024 г.), что сократило прежний избыток рабочей силы, но одновременно обнажило новые проблемы структурной, фрикционной и циклической безработицы. Занятость смещалась из первичного сектора в другие отрасли: в период 2012–2023 гг. доля занятых в сельском хозяйстве снизилась с 33,49% до 22,8%, во вторичном секторе — с 30,3% до 29,1%,²² а в третичном секторе выросла с 36,05% до 48,1%²³, образуя “перевернутую пирамиду”, характерную для постиндустриальных обществ.

¹⁹ Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks // International Monetary Fund. 2019. N 3. P. 4–6; UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (дата обращения: 10.05.2022).

²⁰ ГСУ Китая. Трансформация страны с большим населением в страну с сильными человеческими ресурсами: результаты высококачественного развития населения. Отчет № 15 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития в новом Китае. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202409/t20240920_1956588.html (дата обращения: 19.08.2025).

²¹ ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202501/t20250117_1958337.html (дата обращения: 19.08.2025 г.)

²² Источник: база данных “государственные данные” ГСУ Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zwb=A0402&sj=2024> (Дата обращения: 19 августа 2025).

²³ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось. Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая. URL: <https://www.stats.gov.cn>

Ускоренное развитие высокотехнологичных и капиталоемких отраслей слабо способствовало массовому поглощению рабочей силы, усиливая напряженность, особенно среди молодежи. По данным статистических наблюдений, уровень безработицы среди городских жителей 16–24 лет в декабре 2023 г. составил 14,9%, к августу 2024 г. поднялся до 18,8%, а в январе 2025 г. вернулся к 16,1%; схожая тенденция характерна и для возрастной группы 25–29 лет²⁴.

Следует отметить, что в Китае системный дисбаланс городских и сельских траекторий развития сохраняется: несмотря на преодоление в 2011 г. 50-процентной отметки урбанизации (51,27%) и достижение к концу 2024 г. уровня 67% (\approx 943,5 млн городских жителей)²⁵, разрыв остается устойчивой чертой социальной структуры. Разграничение “город — деревня”, закрепленное правилами учета населения, за последнее десятилетие заметно смягчилось, однако в ряде прибрежных экономически развитых регионов (Гуандун, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун) оформились “супердеревни”, сопоставимые по экономическому потенциалу с городскими территориями, что меняет контуры стратификации. В то же время в центральных, западных и северо-восточных областях продолжается отставание сельского хозяйства, стагнация местной промышленности, имеет место отток населения и налицо экологические риски, углубляющие неравенство сельской среды. Однако такая ускоренная трансформация распределительных механизмов и урбанизационные сдвиги одновременно расширяют возможности мобильности и фиксируют устойчивые территориальные асимметрии.

В современном Китае растут численность и доля рабочего класса, во многом за счет сельских трудовых мигрантов: по оценкам, в 2023 г. их число достигло 298 млн человек, т.е. около 40,27% занятого населения²⁶. При этом внутренняя структура этого класса

cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzfcj/202409/t20240920_1956594.html (дата обращения: 19.08.2025).

²⁴ Источник: База данных “Государственные данные”. Национального бюро статистики Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zwb=A0E01&sj=202502> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁵ ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (дата обращения: 19.08.2025).

²⁶ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось. Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая. URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzfcj/202409/t20240920_1956594.html (дата обращения: 19.08.2025).

крайне неоднородна. Все большее число таких работников занято в сфере услуг (около 53,8% в 2023 г.),²⁷ где предприятия зачастую не располагают сильной традицией профсоюзной поддержки или механизмами коллективного представительства. В наблюдаемом массиве данных ослабевает классовая консолидация и сокращаются возможности корпоративной солидарности работников сектора услуг по сравнению с индустриальными предприятиями, где формы объединений институционально закреплены.

Параллельно расширяется сегмент самозанятых и частных предпринимателей: по официальным данным учета к сентябрю 2024 г. — свыше 125 млн индивидуальных предпринимателей; частных предприятий — 55 млн (92,3% зарегистрированных)²⁸. Частный предпринимательский сектор, долгое время дополнявший госсектор, со временем стал одним из ключевых драйверов рыночного роста и преобразований. После 2012 г. регуляторные акты расширяли присутствие частных предпринимателей в политических институтах, усиливая их влияние и изменяя конфигурацию входных барьеров через регулятивные каналы доступа к ресурсам. На этом фоне усиливается межсекторальная мобильность: представители политической и культурной элит через регулятивные каналы и конверсию социального и символического капитала переходят в частный предпринимательский сектор, повышая конкурентные требования и закрепляя предсказуемую селективность социальной мобильности. Во многом это связано с тем, что при общем росте социальной мобильности вертикальные траектории для большинства усложняются, а скачкообразные перераспределения ресурсов редки. Распространенные исследовательские интерпретации увязывают этот сдвиг с институциональной инкорпорацией расширяющегося слоя частных предпринимателей в формализованные социополитические институты, что снижает вероятность новых конфликтов и дестабилизации. Вместе с тем статистические ряды и эмпирические наблюдения фиксируют явную неоднородность этой группы и широкий спектр интересов и стратегий; следовательно, оценка её дальнейшей роли в социальной структуре остаётся условной и контекстно-зависимой.

²⁷ ГСУ Китая. Отчет о мониторинге труда мигрантов за 2023 год. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (дата обращения: 19.08.2025).

²⁸ Агентство новостей Синьхуа. Число зарегистрированных частных предприятий по всей стране превышает 55 миллионов. URL: <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (дата обращения: 19.08.2025).

Кроме того, модернизация в современном Китае приводит к многоуровневой реконфигурации стратификации, — элитный сегмент выходит на первый план: внутренняя дифференциация политических, экономических, культурных и технологических элитных кластеров направляет перераспределение ресурсов, формирует регулятивные каналы институциональной интеграции и влияет на публичную повестку. В результате именно композиция элит, а не только формальная регламентация, очерчивают контуры социальной стабильности и допустимые траектории развития в логике “базис — надстройка”.

Как уже было показано, при постановке научной проблемы, задавшей вектор настоящему исследованию, стратификационную структуру общества можно рассматривать в различных аспектах — социально-территориальном, социально-демографическом, социально-этническом, социально-конфессиональном, социально-политическом или профессиональном, выделяемой по объективным основаниям. Однако самым актуальным аспектом остается классово-стратификационный, в соответствии с которым наиболее часто предметом социологического анализа служит социально-классовая (классовая) структура. Социально-классовая структура — это “совокупность взаимосвязей и взаимодействий общественных классов, слоев и групп, отражающая их социальное неравенство”²⁹. Основными единицами при рассмотрении подобной структуры какого-либо общества, прежде всего, с социально-экономических позиций являются классы, а проблема “социальных классов имеет свою судьбу, тесно связанную с историей развития социального знания вообще”³⁰.

Однако для того, чтобы четко понимать, какая именно группа в социальной структуре общества является движущей силой (субъектом) модернизационных процессов в современном Китае, необходимо проанализировать структуру и мобильность, прежде всего, его элитных слоев. Это связано с тем, что очевидным пробелом всех западных концепций модернизации является акцент на стихийности и полной деперсонализации этого процесса.

Следует отметить, что начиная с 1978 г., многоступенчатые трансформации усложнили стратификационный ландшафт Китая и институционально оформили сравнительно узкие высокостатус-

²⁹ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998. С. 348.

³⁰ Солнцев С.Н. Общественные классы / Вступ. статья, сост. и коммент. В.С. Сычевой. М., 2008. С. 33.

ные, а точнее — элитные группы. Так, вопреки эгалитарным представлениям, был эмпирически зафиксирован элитный сегмент, воздействующий на социальную, экономическую и культурную сферы, когда структурно выделились три элитные подгруппы — политическая, экономическая, культурная, каждая — с особыми правилами отбора и продвижения. Их современные контуры расширяются за счет инноваций, межсекторальной мобильности и сетевых форм взаимодействия, опирающихся на регулятивные каналы селекции и ротации.

Так, новые форматы предпринимательства и расширение сектора услуг размывают институциональные границы и способствуют гибридизации статусных идентичностей. Эти тенденции коррелируют с закономерностями глобального развития, учитывая историческую специфику Китая. Рост технологического сектора усиливает взаимодействия элитных кластеров посредством регулятивных механизмов доступа к ресурсам и инкорпорации новых акторов, изменяя контуры социальной структуры.

С точки зрения социологии модернизационное развитие Китая эмпирически сопряжено с вертикальной мобильностью классов и горизонтальными траекториями элит. Ключевые политические институты выступают центром координации, регулируя общественно-политические процессы и регуляторные механизмы доступа к ресурсам, вследствие чего политические полномочия, как правило, институционально связаны с управлением государственными активами — устойчивой связкой политической власти и экономического влияния³¹. Параллельно общество функционирует как источник инкорпорации: неполитические элитные кластеры включаются по каналам горизонтальной мобильности со стороны политической элиты, однако дискуссионным остается вопрос о цене такой интеграции и ее идеологических границах.

Применительно к Китаю поздний старт индустриализации и модернизации, компенсированный руководством КПК, за несколько десятилетий обеспечил масштабные результаты в промышленной, урбанистической и информационной сферах. При этом “китайская модернизация” не сводится к копированию западной капиталистической модели, а выступает особым вариантом с собственным содержанием и спецификой. Эти специфические характеристики трактуются и как программные ориентации официального

³¹ Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. М., 2024. С. 415.

дискурса и как гипотезы о механизмах, подлежащих эмпирической верификации, которые дополнительно сопоставляются с индикаторами стратификационных сдвигов, параметрами ротации и горизонтальной мобильности как народных масс, так и элитных групп.

Если говорить о китайской альтернативе тезиса о “вестернизации как единственно возможном пути прогресса” — социально-экономические преобразования трактуются не как копирование образцов, а как адаптация разнородных достижений к внутренним условиям. Исходное требование — учитывать специфику локального контекста и избегать механического переноса “универсальных” моделей. Отсюда вывод о возможности органичного совмещения национальных традиций и современных форм общественной организации без утраты отличительных признаков. Уточненная дефиниция позволяет аналитически разложить переход на этапы модернизации, релевантные динамике элит, и, таким образом, поставить вопрос об адаптации этих этапов к особенностям национальных институтов и практик селекции.

Итак, в заданной аналитической рамке, в логике соотношения базиса и надстройки, модернизация трактуется как непрерывное развитие социальной структуры и институциональных механизмов под воздействием экономического роста, технологических инноваций и глобализации. Соответственно в процессе модернизационного развития Китая, сопровождающегося ротацией старых и формированием новых элитных групп, выделяют три этапа.

Первый этап (1978–1992 гг.) — этап старта рыночных реформ.

Второй этап (1992–2012 гг.) — этап углубленной дифференциации элитных слоев.

Третий этап — с 2012 г. по настоящее время — этап институционализированной циркуляции элит, где формализованные процедуры кадровой ротации сочетаются с расширением инструментов управления, усилением межсекторальной мобильности, инкорпорацией акторов цифровой экономики и постоянной оценкой институциональной результативности.

Поворотным рубежом от второго к третьему этапу стал демонтаж традиционной “системы единиц”, охватывавшей до 2012 г. производственные и непроизводственные организации и выступавшей универсальным регулятором доступа к ресурсам и механизмам социальной поддержки. После 2012 г. ее элементы были инкорпорированы в обновленную административную сеть, где сложились “новые сообщества единиц”, функционирующие по рыночным принципам и отражающие развитие общественных отношений и расширение

межсекторальной мобильности. Таким образом, менялись входные барьеры и регулятивные каналы отбора и продвижения в элитные группы, что перенастраивало механизмы институционализированной циркуляции элит.

Известно, что любая модернизация требует обновления управленческих кадров, нормативное обоснование которого исторически укоренено в партийной традиции обновления. В данной связи эвристически показательно высказывание Мао Цзэдуна, использовавшего метафору организма и подчёркивавшего необходимость обновления: "...без устранения ненужного и принятия свежей крови партия теряет жизнеспособность"³².

В логике институционализированной циркуляции инкорпорация "новых элементов" поддерживает гибкость и эффективность управления. В свою очередь, пополнение элиты акторами с релевантными ресурсами и компетенциями, а также выведение утративших адаптивность, снижает ригидность и поддерживает институциональную результативность при необходимых трансформациях. Таким образом, кадровая ротация предупреждает застой и актуализирует инновационный потенциал общества. Следовательно, в ходе модернизации Китая особую актуальность приобретает управляемая кадровая ротация, минимизирующая риски концентрации властных ресурсов и предупреждающая институциональную инерцию верхних эшелонов власти. Соответственно, эмпирический анализ интеграции и дифференциации высокостатусных групп — с акцентом на механизмах институционализированной циркуляции элит — формирует основу для более прозрачной и динамичной системы селекции и ротации, способной адаптироваться к меняющимся запросам. Как подчеркивает Си Цзиньпин, "политическая система страны определяется ее экономическими и социальными основами, и в то же время она воздействует на экономические и социальные основы страны и даже играет решающую роль"³³.

Китайский опыт, основанный на эмпирических подтверждениях показывает, что становление элит системного масштаба опирается на интегративную конфигурацию административных, институциональных и общественных механизмов, обеспечивающих устойчивое воспроизводство и обновление элитных слоев, институциональную интеграцию и интеграцию интересов элиты и народных масс, а расширение внешних экономических и коммуни-

³² Женьминьжибао. 1968. 15 нояб.

³³ Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Пекин: Жэньминь чубаньшэ 2023. Т. 1. С. 265.

кативных связей диверсифицирует их социальную базу. При этом наличие ресурсных дефицитов и латентных структурных ограничений требует многоуровневых исследований, операционализирующих факторы, лимитирующие развитие и устойчивость элитных групп, являющихся основными субъектами — движущими силами модернизационных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

САИСТ. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) // Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (дата обращения: 05.08.2023).

САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2022) // Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm (дата обращения: 05.08.2023).

САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2023) // Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (дата обращения: 15.08.2023).

ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjld/202501/t20250117_1958337.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось. Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая. URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/zgfx/xzg75njshfzj/202409/t20240920_1956594.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Объявление Национального бюро статистики об окончательной проверке ВВП (валового внутреннего продукта) в 2012 году. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Отчет о мониторинге труда мигрантов за 2023 год. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Предварительные результаты учета ВВП за четвертый квартал и полный 2024 год. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Трансформация страны с большим населением в страну с сильными человеческими ресурсами: результаты высококачественного развития населения. Отчет № 15 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития в новом Китае. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjld/202409/t20240920_1956588.html (дата обращения: 19.08.2025).

ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (дата обращения: 19.08.2025).

Агентство новостей Синьхуа. Число зарегистрированных частных предприятий по всей стране превышает 55 миллионов. URL: <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (дата обращения: 19.08.2025).

Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии. М., 2018.

Женьминьжибао. 1968. 15 нояб.

Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. М., 2024.

Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М., 2019.

Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004.

Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

Попов М.В., Мазур О.А. Материализм и теория формации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.

Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Т. 1. Пекин, 2023.

Соколова Г.Н. Модернизация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. С. 583–584.

Солнцев С.Н. Общественные классы / Вступ. ст., сост. и коммент. В.С. Сычевой. М., 2008.

Соловьева В.Л. Теория модернизации в контексте развития общественной мысли в XX веке // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 3. С. 312–316.

Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.

REFERENCES

GSU Kitaya. Van Pinpin: Obshchee snizhenie chislennosti naseleniya sokrashchaetsya, kachestvo naseleniya prodolzhaet uluchshat'sya [National Statistical Office of China. Wang Pingping: The overall population decline is slowing, and the quality of the population continues to improve]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202501/t20250117_1958337.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Masshtab zanyatosti znachitel'no rasshirilsya, kachestvo zanyatosti neuklonno uluchshalos'. Otchet N 16 iz serii otchetov o 75-letnih dostizheniyah ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya novogo Kitaya [National Statistical Office of China. The scale of employment has expanded significantly, and the quality of employment has steadily improved. No. 16 of the Series of Reports on 75 Years of Economic and Social Development Achievements of New China]. URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzj/202409/t20240920_1956594.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Ob'yavlenie Nacional'nogo byuro statistiki ob okonchatel'noj proverke VVP (valovogo vnutrennego produkta) v 2012 godu [National Bureau of Statistics of China. Announcement of the National Bureau of Statistics on the Final

Audit of the Gross Domestic Product (GDP) in 2012]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Otchet o monitoringe truda migrantov za 2023 god [National Bureau of Statistics of China. Migrant Labor Monitoring Report for 2023]. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Predvaritel'nye rezul'taty ucheta VVP za chetvertyj kvartal i polnyj 2024 god [National Bureau of Statistics of China. Preliminary Results of the GDP Accounting for the Fourth Quarter and Full Year of 2024]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Transformaciya strany s bol'shim naseleniem v stranu s sil'nymi chelovecheskimi resursami: rezul'taty vysokokachestvennogo razvitiya naseleeniya. Otchet N 15 iz serii otchetov o 75-letnih dostizheniyah ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya v novom Kitae [National Statistics Office of China. Transforming a Populous Country into a Human Resources-Rich Country: Achieving High-Quality People Development. No. 15th Report of the 75-Year Achievements of Economic and Social Development in the New China]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjld/202409/t20240920_1956588.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

GSU Kitaya. Ustojchivyy progress v ekonomicheskikh pokazatelyah v 2024 godu, osnovnye celi razvitiya uspeshno dostignuty [National Statistics Office of China. Steady Progress in Economic Indicators in 2024, Major Development Goals Successfully Achieved]. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

SAICT. Belaya kniga o global'noj cifrovoj ekonomike (2022) [CAICT. White Paper on the Global Digital Economy (2022)] // Nacional'nyj vysokoklassnyj professional'nyj analiticheskij centr, platforma promyshlennyh innovacij i razvitiya. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm (data obrashcheniya: 05.08.2023) (in Russian).

SAICT. Otchet o razvitii cifrovoj ekonomiki Kitaya (2022) [CAICT. China Digital Economy Development Report (2022)] // Nacional'nyj vysokoklassnyj professional'nyj analiticheskij centr, platforma promyshlennyh innovacij i razvitiya. Rezhim dostupa: URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm, svobodnyj (data obrashcheniya: 05.08.2023) (in Russian).

SAICT. Otchet o razvitii cifrovoj ekonomiki Kitaya (2023) [CAICT. China's Digital Economy Development Report (2023)] // Nacional'nyj vysokoklassnyj professional'nyj analiticheskij centr, platforma promyshlennyh innovacij i razvitiya. URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm (data obrashcheniya: 15.08.2023) (in Russian).

UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021 []. URL: <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (data obrashcheniya: 10.05.2022).

Agentstvo novostej Sin'hua. Chislo zaregistrovannyh chastnyh predpriyatij po vsej strane prevyshaet 55 millionov [Xinhua News Agency. The number of registered private enterprises nationwide exceeds 55 million]. URL: <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (data obrashcheniya: 19.08.2025) (in Russian).

Eisenstadt S.N. Multiple modernities // *New Brunswick, Transaction.* 2002. N 3. P. 1–30.

Giddens E., Satton E. Osnovnye ponyatiya v sociologii [Basic Concepts in Sociology]. M., 2018 (in Russian).

Habermas Yu. Modern — nezavershennyj proekt [Modernity: An Unfinished Project] // Voprosy filosofii. 1992. N 4. S. 40–54 (in Russian).

Krylov V.V. Proizvodstvo. Vlast'. Sobstvennost'. Fursov o Krylove [Production. Power. Ownership. Fursov on Krylov]. M., 2024 (in Russian).

Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks [] // International Monetary Fund. 2019. N 3. P. 4–6.

Ma Huaten i dr. Cifrovaya transformaciya Kitaya. Opyt preobrazovaniya infrastruktury nacional'noj ekonomiki [China's Digital Transformation. The Experience of Transforming the National Economy Infrastructure]. M., 2019 (in Russian).

Pantin V.I. Volny i cikly social'nogo razvitiya: Civilizacionnaya dinamika i processy modernizacii [Waves and Cycles of Social Development: Civilizational Dynamics and Modernization Processes]. M., 2004 (in Russian).

Poberezhnikov I.V. Modernizaciya: teoretiko-metodologicheskie podhody // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [Modernization: Theoretical and Methodological Approaches] / Pod red. L.I. Borodkina. Vyp. 8. M., 2002. S. 146–168 (in Russian).

Popov M.V., Mazur O.A. Materializm i teoriya formacii [Materialism and the Theory of Formation] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. N 6 (in Russian).

Si Czin'pin. Izbrannye trudy Si Czin'pina [Selected Works of Xi Jinping]. Pekin, 2023. T. 1 (in Russian).

Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' [Sociological Encyclopedic Dictionary] / Red.-koord. G.V. Osipov. M., 1998 (in Russian).

Sokolova G.N. Modernizaciya [Modernization] // Sociologiya. Enciklopediya / Sost. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk, 2003. S. 58–584 (in Russian).

Solncev S.N. Obshchestvennye klassy [Social Classes] / Vstup. Stat'ya, sost. i kommentarii V.S. Sychevoj. M., 2008 (in Russian).

Solov'eva V.L. Teoriya modernizacii v kontekste razvitiya obshchestvennoj mysli v HKH veke [Modernization Theory in the Context of the Development of Social Thought in the Twentieth Century] // Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. N 3. S. 312–316 (in Russian).

Wagner P. Modernity: understanding. Cambridge, 2012.

Zhen'min'zhibao. 1968. 15 noyab. (in Russian).